

На правах рукописи

МАМОНОВА Елена Юрьевна

**МОТИВ «ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ»
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ
ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА:
Т.МАНН, Г.ГЕССЕ,
Р.МУЗИЛЬ, Р.М.РИЛЬКЕ**

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(немецкая и австрийская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь – 2006

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО
«Пермский государственный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент
Бочкарева Нина Станиславна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Пестова Наталья Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Сейбель Наталья Эдуардовна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2006г. в __ часов
на заседании диссертационного совета Д 212.283.01 при ГОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет»
(620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной
библиотеки Уральского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «__» ноября 2006г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Скрипова О.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес к творчеству Томаса Манна (1875-1955), Германа Гессе (1877-1962), Роберта Музиля (1880-1942) и Райнера Марии Рильке (1875-1926) в российском литературоведении проявляется еще в годы «оттепели», поддерживается в 70-80-е гг. и усиливается с началом 90-х гг. XX в. Среди отечественных ученых, в разное время посвятивших свои работы наследию этих авторов, – В.Г.Адмони, С.К.Апт, А.В.Белобратов, Л.А.Бердюгина, А.Г.Березина, Е.М.Волков, Д.С.Давлианидзе, В.Д.Днепров, Д.В.Затонский, Р.Каралашвили, А.В.Карельский, Н.С.Лейтес, Т.Л.Мотылева, Н.С.Павлова, А.В.Русакова, Т.А.Свительская, Т.И.Сильман и др. В центре внимания названных ученых в большей степени находился поздний период творчества Манна, Гессе и Музиля. Что касается Рильке, то российских исследователей, как и издателей, привлекает главным образом его поэзия. В немецкоязычном литературоведении в последнее время наблюдается повышенное внимание к прозе первого десятилетия XX века. В частности, существует отчётливая тенденция соотносить ранние романы Манна, Гессе и Музиля со «школьной литературой», например, в работах П.Гротцера, П.Мога, К.Йохана и В.Венде.

Актуальность диссертации обусловлена закономерным интересом современного отечественного литературоведения к параллельному историческому (первое десятилетие XX века) и национальному (австрийская и немецкая литература) опыту. Ю.Л.Цветков подчеркивает, что в последнее десятилетие в российском гуманитарном знании «особое внимание уделяется переходным периодам, “зонам повышенного риска”, для которых характерна неопределенность доминант литературного процесса»¹.

Объектом исследования является немецкоязычный роман первого десятилетия XX века. В работах Д.Кемпера, С.Виета, К.Барц, В.Жмегача, В.Раша, Ю.Петерсена подробно исследуется „Moderne um 1900“. По словам А.И.Жеребина, «путь модернистов освещен мечтой о возрождении единства мира на новых основаниях, отмечен отчаянными поисками утраченного абсолютного смысла бытия»². На рубеже XIX-XX веков стремление к обретению нового единства с миром находит выражение в «философии жизни» (Ф.Ницше, А.Бергсон, В.Дильтей, Г.Зиммель). Творчество Т.Манна, Г.Гессе, Р.Музиля и Р.М.Рильке выходит за рамки «модерна», но в их романах 1900-х годов наиболее ярко отразился поиск утраченного смысла бытия. Одним из важнейших мотивов немецкого и австрийского романа первого десятилетия XX века становится спасение гибнущего «Я» („unrettbare Ich“) в чуждом ему реальном мире, предполагающее возможность нового рождения человека – «второе рождение».

В словаре немецкого языка Я. и В. Гриммов как один из вариантов употребления существительного *Geburt* (рождение) приводится выражение *der*

¹ Цветков Ю.Л. Литература венского модерна. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003. С.40.

² Жеребин А.И. Модернизм без берегов (дискурс о модерне в немецком литературоведении и австрийская модель модернизма)// Вестник молодых ученых 2`2005 (Серия: Филологические науки 1`2005). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. С. 4.

Tod eine neue Geburt (смерть как новое рождение). Здесь же находим: „Geburt des Geistes, wieder vom gebären selbst, wie vom geborenen Gedanken, Gedichten, Büchern u. a.“ (рождение в сфере духа, которое относится как к самой личности, так и к рождаемым мыслям, стихотворениям, книгам и т.д.). Значение *zweite Geburt* может также передаваться словами *Wiedergeburt* (возрождение), *Auferstehung* (воскресение), *Verwandlung* (метаморфоза, преобразование, перевоплощение, изменение). Термин «второе рождение» и его синонимы используются в русской философии (В.Н.Муравьев, М.Мамардашвили, Т.М.Сакутина, Н.В.Голик, Е.Э.Сурова) и литературоведении (О.М.Фрейденберг, Д.П.Бак, Е.Н.Проскурина, О.М.Ушакова, Н.Я.Мадорская). **Предметом** нашего исследования стал мотив «второго рождения» в романах Т.Манна, Г.Гессе, Р.Музиля и Р.М.Рильке.

Идея духовного возрождения личности отчетливее всего возникает при постановке вопроса о литературном субъекте в сопоставительных работах Г.Хольцапфеля, М.Вагнер-Эгельхааф, М.Хаттемера. При интерпретации творчества Т.Манна А.Кадельбах и И.Роблес также выходят на проблематику «второго рождения». Т.Циолковский пишет о возрождении мира в «Демияне» Гессе, которое является соединением христианской и ницшеанской схем исторического прогресса. П.Мог утверждает, что жертвенность в «Под колесами» Гессе означает не однозначное уничтожение, а возвращение к «матери Земле» в вечном круговороте природы.

Т.Пекар исследует христианско-мифологическую основу новелл Музиля, опубликованных под названием «Три женщины», в которой актуализируются мифологемы непорочного зачатия, страстей, воскресения и преображения. И.Шарольд противопоставляет мужское и женское в творении при анализе рассказа Музиля «Тонка». А.В.Белобратов со ссылкой на М.Бахтина отмечает, что герой романа Музиля «Человек без свойств» «бесконечен для автора, то есть все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм»³. Об идее возрождающей силы искусства в романе Рильке говорит У.Фюллерборн. Эпосом рождения поэта называет «Мальте» К.Клингер. Ф.Аспетсбергер исследует «саморождение» героя в романе Рильке с точки зрения феминистского литературоведения. Э.М.Клаус сравнивает историю Мальте, стремящегося силой искусства преодолеть смерть, с древнегреческой историей Орфея. А.В.Карельский упоминает о вознесении как о новом рождении поэта в «Сонетах к Орфею» Рильке.

Материал нашего исследования составляют четыре романа: «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) Т.Манна, «Под колесами» (1904-1905) Г.Гессе, «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (1906) Р.Музиля и «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910) Р.М.Рильке. Эти произведения выбраны нами как наиболее репрезентативные в немецкоязычной литературе первого десятилетия XX века. В науке неоднократно подчеркивалась их особая значимость не только для творчества самих писателей, но и в целом для литературного процесса открываемого ими столетия. Все исследуемые романы

³ См.: Белобратов А.В. Роберт Музиль. Метод и роман. Л., 1990. С.148.

отражают общую для рубежа веков идею гибели мира и обращаются к теме детства, традиционно связанной с мотивами обновления. Опираясь на высказывания самих писателей, легко обнаружить не только историко-типологические связи романов, написанных в одно десятилетие, но и непосредственное творческое взаимодействие их создателей – диалог, отразивший как сам кризис рубежа веков, так и возможные пути выхода из него.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить динамику мотива «второго рождения» в немецком и австрийском романе первого десятилетия XX в. Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- в хронологической последовательности рассмотреть реализацию исследуемого мотива в романах Манна, Гессе, Музиля и Рильке;
- исследовать семантическое ядро «второго рождения» через характерную для модерна амбивалентность жизни и смерти, веры и сомнения;
- выявить внутритекстовые и интертекстуальные связи «второго рождения» с возрождением, воскресением и метаморфозой;
- рассмотреть связь героя с отцом/матерью, его отношение к любви/дружбе, состоятельность в науке и искусствах;
- проследить проявление мотива «второго рождения» в метафорах взгляда, света, отражения, моря, огня и др.;
- охарактеризовать общее и особенное в исследуемых романах и обобщить наблюдения о динамике мотива «второго рождения» в немецкоязычном романе первого десятилетия XX в. как о начале поисков выхода из кризиса рубежа веков.

Методология исследования в основном восходит к принципам исторической поэтики, выработанным в литературоведении XIX–XX вв. в трудах А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, М.М.Бахтина, В.Е.Хализева и др. Используемая нами методика анализа и интерпретации мотива соединяет семантический (А.Н.Веселовский, О.М.Фрейдберг) и интертекстуальный (Б.М.Гаспаров) подходы. Специфика мотива «второго рождения» потребовала обращения к фундаментальным работам по психоанализу и мифопоэтике.

Новизна диссертации обусловлена тем, что в русской германистике мотив «второго рождения» не был предметом специального исследования, хотя проблема становления героя рассматривалась неоднократно. Работа немецкого исследователя П.Гротцера посвящена «метафоре индивидуации молодого человека» как «второму рождению» (zweite Geburt) в произведениях А.Рембо, Дж.Джойса, Р.Музиля, Г.Гессе, Ж.-П.Сартра, Дж.Д.Сэлинджера, У.Пленцдорфа, Ж.Бернаноса, Й.Рота⁴. Сопоставительный анализ романов «Будденброки» Т.Манна, «Под колесами» Г.Гессе, «Душевные смуты

⁴Grotzer P. Die zweite Geburt. Figuren des Jugendlichen in der Literatur des 20. Jahrhunderts. B. I. Arthur Rimbaud, James Joyce, Robert Musil, Hermann Hesse, Jean-Paul Sartre, J. D. Salinger, Ulrich Plenzdorf, Georges Bernanos, Joseph Roth. Zürich, 1991.

воспитанника Тёрлеса» Р.Музиля и «Записки Мальте Лауридса Бригге» Р.М.Рильке делается впервые.

Основные положения, выдвигаемые на защиту.

1. Мотив «второго рождения» в немецкоязычных романах первого десятилетия XX в. реализуется как *возможность преодоления смерти* через трансформацию мотивов возрождения, воскресения и метаморфозы, но амбивалентность жизни и смерти, веры и сомнения в нем не преодолевается.

2. Если в романах Томаса Манна и Германа Гессе особую значимость получают мотивы *освобождения в смерти* (смерть реальна и трагична) и *воскресения*, то в романах Музиля и Рильке смерть – метафора «второго рождения» героя как «путешествия в загробный мир». В то время как герой Музиля вообще отказывается от религиозного пути, Рильке оставляет для Мальте возможность *темного вознесения*.

3. Во всех исследуемых романах разрыв связи отца и сына осмысливается как разрыв связи Бога и человека, но если в романах Манна и Рильке это гибель семьи и разрушение родовой связи, то у Гессе и Музиля – это судьба одного человека, что определяется особенностями жанров семейной хроники и интернатского романа. Возможность «второго рождения» во всех романах связана с женским, материнским началом, что особенно актуализируется в произведениях австрийской литературы.

4. В исследуемых романах мотив «второго рождения» реализуется в метафорах беременности, сна (болезни), воды (моря, реки), света (огня), взгляда (открытой/закрытой двери/окна), отражения, круга (кольца, колеса, кружев).

5. Во всех исследуемых романах рассматривается возможность «второго рождения» через любовь и творчество (в науке и в искусствах). В частности, мотив письма эволюционирует от «Будденброков» к «Запискам Мальте Лауридса Бригге».

6. Мотив «второго рождения» в исследуемых романах интертекстуально связан с античной и скандинавской мифологией, христианством и буддизмом, философией (Шопенгауэр, Ницше, Кьеркегор, Мах), русской и европейской литературой (Достоевский, Толстой, Тургенев, Данте, Гете, Новалис и др.), музыкой (Бах, Бетховен, Вагнер).

Теоретическая значимость работы определяется продуктивностью исследования мотива «второго рождения» как в мировой литературе в целом, так и в истории немецкоязычной литературы XX века. Мотив «второго рождения» как центральный в индивидуальном выборе героя между жизнью и смертью может стать одной из линий компаративистского анализа литератур XX века. Это, во-первых, сравнительный анализ русской и немецкоязычных литератур. Во-вторых, сопоставительные исследования модерна и постмодерна.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах истории литературы рубежа XIX-XX веков и XX столетия.

Апробация работы состоялась во время полугодовой стажировки в университете Потсдама под руководством профессора Э.Либс-Эткинд, на международных семинарах, конференциях и конгрессах: Библия и

национальная культура (Пермь, 2004); Удовольствие как феномен культуры (Санкт-Петербург, 2004); Мировая словесность для детей и о детях (Москва, 2004); Международный конгресс германистов „Germanistik im Konflikt der Kulturen“ (Париж, 2006); Семинар по книге стихов Р.М.Рильке «Часослов» (Фрайбург, 2006). По теме исследования опубликовано 20 работ.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении дается обзор литературы по теме диссертации, оценивается степень изученности проблемы, обосновывается выбор темы, ее актуальность и новизна, определяются цели, задачи и методы исследования. Здесь отмечаются существенные для решения поставленной проблемы особенности литературного процесса первого десятилетия XX века в Германии и Австрии, уточняется семантическая наполняемость термина «второе рождение».

Первая глава – «Трансформация мотивов возрождения и воскресения в романе Т.Манна „Будденброки. История гибели одного семейства“».

Мотив «второго рождения» соотносится в романе Т.Манна с темой смерти (на протяжении всего повествования в романе сообщается о пятнадцати смертях) и с первым (физическим) рождением человека. События, связанные с рождением Клары, Ганно, Эрики Грюнлих и умершего ребенка Тони, представлены через сделанную Иоганном Будденброком запись в дневнике, воспоминание Томаса и письма Тони. Непосредственно изображается приготовление к крещению Клары и крестины Ганно, которые всей семьей воспринимаются как собственное «второе рождение». Празднование дня рождения Ганно, как и празднование дня основания фирмы, превращается для героя в испытание. Празднование Рождества (ежегодное «возрождение бога») описывается четырежды, оно связано с мотивами вина, еды и огня. Выразителем идеи *исторического возрождения* отца в сыне в романе Манна является консул Иоганн Будденброк. Данный смысл «второго рождения» передается при помощи глаголов *fortleben* (*продолжать жить, воплощаться*), *wiederleben* (*жить дальше*), сочетания существительных *Vorfahren/Nachfahren* (*предки/потомки*) и передающей значение этого сочетания метафоры *Glieder einer Kette* (*звенья одной цепи*).

Мотив кольца, заимствованный из «Нибелунгов» Вагнера, обнаруживается на всех уровнях произведения. Причиной нарушения цикла возрождения становится усиление рационального (сомнение и расчет) и ослабление эмоционального (вера, любовь) начал. Разрыв связи «Бог – отец – сын» выражается в метафорах *гаснущего света, отведенного взора* и в наследовании негативных признаков (тени под глазами Ганно, плохие зубы Будденброков, дурные склонности Христиана). Автор показывает постепенное угасание преемственности в ведении семейной тетради от жившего в семнадцатом веке предка до Ганно, который, в конце концов, подводит жирную черту под записями своих предшественников.

Возрождение *отца в сыне* связано в «Будденброках» с мотивом *ухода и возвращения* – трансформацией библейской притчи о Блудном сыне. Уйдя от

отца, Готтхольд лишается возможности возвращения. Старший брат Томас фактически изгоняет из семьи младшего Христиана. Том настаивает на продаже дома на Менгштрассе, лишая себя, сестру и брата возможности возвращения в отчий дом. Осознание того, насколько важна возможность *вернуться*, проявляется в силе протеста Тони против продажи дома.

Разочаровавшись в отцовской идее бессмертия рода, Томас Будденброк все-таки утверждает: „*Ich werde leben!... So ist es, so ist es!*“ / «*Я буду жить!... Да, так, так оно и есть!*». По Шопенгауэру, смерть как результат свободного выбора человека в пользу отрицания воли к жизни есть *освобождение* и *возрождение*. С одной стороны, возвышенный пафос внутреннего монолога Томаса о вечной жизни резко контрастирует с подчеркнута нелепой смертью сенатора («сенатор умер от зуба»), что создает эффект трагической иронии: Томас умирает, буквально отрекшись от воли к жизни, присягнув смерти, но никакого видимого освобождения в ней не находит. С другой стороны, автор оставляет герою возможность возрождения, что проявляется в сцене прощания беременной Анны с умершим Томасом. Обилие цветов, «залитая светом комната», упоминание о «Христе Благословляющем» Торвальдсена – все эти знаки выражают надежду на возможность обретения Томасом «второго рождения» в смерти.

Стремление героев романа к возрождению в инобытии раскрывается в мотивах *моря* и *сна*. В этих мотивах, по словам И.Роблес, одновременно выражается дистанция к действительности, к «дороге страстей жизни» и «угроза» потери себя в абсолютно неподвластной чуждой стихии. В восприятии моря в «Будденброках» раскрывается различие внутреннего состояния сохраняющей веру в продолжение жизни Тони и отчаявшегося Томаса. Тони более всех связана со стихией воды – она проводит на берегу реки детство, с морем связано ее переживание любви к Мортену. Восприятие моря роднит Тони с Ганно. Возвратившись в город после каникул на Травемюнде, ребенок именно у Тони находит «сочувствие своей тоске по морю». Для Тони в мотиве моря актуально значение памяти, а в мотиве сна – пробуждения. В связи с образом Ганно мотивы сна и моря приобретают семантику *внутреннего бегства* – забвения и засыпания. Инобытие, обретаемое героем в единстве с морской стихией и во сне, не обновляет его жизнь: разлука с морем так же неизбежна, как и ужасающее героя пробуждение.

«Второе рождение» в музыкальных и поэтических фантазиях выражается при помощи глагола *befreien*, его синонима *erlösen* (*освободить*) и производного от него существительного *Erlösung* (*освобождение*). Ганно испытывает чувство «освобождения», исполняя в день своего рождения музыкальную фантазию на фортепиано. Его друг Кай рассказывает истории, в которых он освобождает заколдованного короля и замок. Здесь значение освобождения передается при помощи глагола *entzaubern* (*расколдовывать*).

Изначально Томас Манн намеревался сделать эпиграфом к «Будденброкам» одно из стихотворений Августа фон Платена, в котором утверждается идея творения мира художником. В конце концов, Манн отказывается от эпиграфа как однозначного предвещения возможности

обретения «второго рождения» в искусстве. Немецкие исследователи, в частности А.Мильтенберг и Н.Билефельд, подчеркивают, что мотивы *театра и музыки* в романе «Будденброки» раскрывают трагичность бегства от реальности в сферу искусства и связаны с мотивом гибели семьи.

Надежда на «второе рождение» появляется только тогда, когда искусство освящено любовью. Четырнадцатилетний Христиан, влюбленный в актрису любекского театра, дарит ей цветы – символ возрождения. История Кая – параболы «второго рождения» в искусстве – связана с мотивом платонической дружбы Ганно. Возможность «второго рождения» в музыке сохраняется как возможность *возвращения*: господин Пфюль показывает Ганно прием «обратной/ракоходной имитации» (*rückgängige/krebsgängige Imitation*), заключающийся в том, что «тема воспроизводится в обратном порядке, от последней ноты к первой».

Разрыву связи отца и сына в романе Т.Манна противопоставляется сохранение родственной любви, связанное с *женским* началом. У Эрики остается дочь Элизабет, отвращенному взору Ганно и Томаса противопоставляется *обращенный* взор Ганно и Тони. В сцене последнего дня перед болезнью Ганно свет гаснущей свечи сменяется *рассветом*, который символизирует возможность воскресения, как и упоминание о «Сикстинской мадонне» Рафаэля. Любовь Тони Будденброк к отцу и братьям так же нерассудочна, как и ее детская вера. С каждым новым браком она начинает жить заново: выйти замуж для нее означает *noch einmal ins Leben hineinkommen* (дословно: еще раз войти в жизнь). Любовь к сыну лоцмана Мортену раскрывает ее способность любить, которая и позволяет ей духовно выстоять. Произнесенная Мортеном фраза о пользе мёда становится одним из лейтмотивов романа. К.Кашиваги называет мёд «кодом любви». Любовь к Мортену, к родным является той внутренней основой героини, которая дает ей возможность «второго рождения» (возвращения).

Последняя сцена романа, где Тони вспоминает умерших родственников – отца, Томаса и Ганно, становится кульминацией выражения родственной любви героини. Фраза Фредерики о том, что «встреча состоится», апеллирует одновременно к тексту катехизиса и к финалу «Братьев Карамазовых» Достоевского. Духовное возрождение через любовь и память в романе «Будденброки» передается повтором лексем *wiedersehen/Wiedersehen* (*увидеться вновь/свидание*), сочетающих значение встречи и прощания. Зеземи Вейхброд повторяет слова Томаса Будденброка „*So ist es!*“, возвращая им прямой порядок (“*Es ist so!*”), и тем самым в «обратной имитации» объединяет мотивы *возрождения отца в сыне (fortleben)*, *освобождения в смерти (befreien)* и *встречи после смерти (wiedersehen)*. При этом амбивалентность веры и сомнения в возможность «второго рождения» сохраняется: возникает сомнение в том, что слова Зеземи будут услышаны, поскольку она иронически воспринимается другими героями. Амбивалентность жизни и смерти характеризует содержание мотива «второго рождения», и читательский выбор обусловлен только сюжетом романа при минимальной авторской тенденциозности.

Вторая глава – «Аполлонический и дионисийский варианты мотива „второго рождения“ в романе Г.Гессе “Под колесами”».

В романе Гессе разрыв «кольца», символизирующий нарушение цикла возрождения, еще более трагичен, нежели в «Будденброках» Манна. Сломанное колесо символизирует здесь разрушение космоса, устройства мира, что изначально является предвестием краха героя. О.Ранк в работе «Травма рождения» указывает на синонимичность *колеса* и *креста* как буддистского и христианского символов возрождения. Мотив креста связан с именем главного героя: К.Йоханн замечает, что имя *Hans* восходит к *Johannes* и, таким образом, связано с Иоанном Крестителем. В финале романа отмечается, что на лице и ладонях Ганса «виднелись синевато-красные ссадины», что наводит на мысль о сходстве со стигматами Христа. Первое (физическое) рождение героя остается за пределами повествования, ничего не известно о его матери. При этом упоминается о трёх смертях и ряде несчастных случаев, по трагическому совпадению происходящих с жителями «Эллады» – комнаты маульброннского интерната, куда поселяют Ганса Гибенрата. Единственное в романе описание Рождества очень сдержанно, тогда как описание сбора урожая занимает две последние главы.

У Гессе разрыв с отцом становится условием аполлонического «второго рождения», в результате которого сын «мелкого маклера и торгового агента» из провинции должен постигнуть науки и стать учителем и священником. Идея аполлонического «второго рождения» передается у Гессе при помощи глагола *durchkommen* (в значении *проходить, выдерживать*), употребляющегося в связи с ситуацией экзамена, испытания. Выдержать экзамен для Ганса равнозначно рождению в новом мире. *Новый мир (eine neue Welt)* упоминается в романе в связи текстом Нового Завета, о котором говорит Гансу пастор. Мир аполлонического слова – это мир *языка науки*, переход в который сопоставим с *переводом (Überstetzen)*.

В романе Гессе разрушение связи отца и сына, как и в «Будденброках», происходит по вине отца. Отсутствие этой связи выражается в бессилии отцовского *письма*: оно не меняет поведения Ганса, взбунтовавшегося против мира маульброннского интерната. В эпизодах, характеризующих отношения Йозефа и Ганса Гибенратов, не проявлена метафора *света*. Взгляд отца возникает только трижды и передает не связь и единство, а отстраненность и отчуждение по отношению к сыну, не рождает ответного взгляда. Еще более трагическим смыслом, чем в «Будденброках», в романе «Под колесами» наполнена метафора *закрытой двери*. Здесь она выражает окончательный разрыв связи между отцом и сыном, произошедший после гибели Ганса: Йозеф Гибенрат время от времени смотрит на мертвого ребенка сквозь щель в двери (Türspalte).

Непохожесть Ганса на отца воспринимается всеми как свидетельство избранности, способности ко «второму рождению». Мотив *спасителя*, выраженный в «отмеченности» героя, актуализируется во время описания интернатского периода в жизни Ганса: воспитание в маульброннской семинарии сопоставляется автором-повествователем с «тонким и надежным

способом клеймления». Интернат является здесь своеобразным эквивалентом *гостиницы* и, следуя логике О.Фрейденберг, метафорой смерти. Рождение в мире науки в романе «Под колесами» реализуется в комплексе взаимосвязанных мотивов *экзамена* (поступление в семинарию), *путешествия по железной дороге* (в Штутгарт и в Маульбронн), *пребывания на чужбине* (интернат маульброннской семинарии) и *сна* (экзаменационный кошмар, грёзы героя о смерти). Желание возвращения, испытываемое при этом героем, связано не с отчим домом, как у Тони Будденброк, а с природой Шварцвальда.

В тексте «Под колесами» в отличие от «Будденброков» присутствует существительное „*Auferstehung*“ (Воскресение), однако его употребление имеет негативный характер: автор-повествователь сообщает о неверии «новоявленного» пастора в Воскресение Христово. Неверию в воскресение в богословии-науке противопоставляются «семена веры, любви и утешения» (*Samen des Glaubens, der Liebe, des Trostes*) в богословии-искусстве. Дионисийское «второе рождение» в романе связано с вторичным переживанием детства. В речи автора-повествователя подчеркивается призрачность *второго детства* (*zweite Kindheit*) болезненного Ганса. Со «вторым переживанием детства» связано возрождение в *любви* и *творчестве*, передающееся при помощи глаголов *sich verwandeln* (*обратиться; перевоплотиться; перевоплощаться; переродиться; превратиться; преобразиться; трансформироваться*), *sich verändern* (*измениться; меняться; перемениться*), и словосочетания *anders werden* (*становиться другим*).

В романе «Под колесами» усиливается чувственное начало в описании любви по сравнению с «Будденброками». Однако любовь героя остается *созерцанием*, лишенным *обладания*, что выражается в мотиве *воды*. В первой сцене у реки мальчик, будучи лишен отцом удочки, чтобы рыбалка не отвлекала от занятий, просто наблюдает за рыбой, прикармливая ее на хлебные шарики. При этом река как антитеза «отцовскому» миру школы символизирует «материнское» начало. С рекой (прудом) связана дружба с одноклассником Августом, с одаренным и развитым не по годам хромоногим мальчиком Германом Рехтенгейлем и с воспитанником интерната Германом Гейльнером. Мотив воды присутствует в воспоминании о любви Ганса к Эмме Гесслер и в описании влечения героя к Эмме из Гейльбронна.

Как в дружбе, так и в любви герой не дает увлечь себя дионисийскому началу, всякий раз проводя границу отчуждения между собой и *другим*. У Гессе, как и у Манна, с мотивом платонической дружбы связан мотив *творчества*. Фигура Августа соотносится в романе с ремеслом, а Германа Гейльнера – с поэзией. Но Ганса не увлекает ни одна из форм творческого самовыражения. Герой слишком робок для творчества и слишком слаб для ремесла. В романе «Под колесами», как и в «Будденброках» Т.Манна, упоминания о творческих опытах героев отмечены авторской иронией (увлечение Христиана театром, скрипичная игра лишенного музыкальных способностей Луциуса, юношеские стихи Германа Гейльнера, повествующие о тяжелой доле поэта в стенах интерната).

После примирения с Германом Гейльнером вновь обретенная дружба будоражит кровь Ганса «как молодое вино». Эмму из Гейльбронна Ганс впервые видит на празднике урожая во время приготовления яблочного сидра. Мотив яблочного *вина* рождает надежду на сближение героев и на перерождение Ганса в любви. Однако и возникшее чувство, и опьянение вскоре сменяются у Ганса усталостью. В дионисийскую стихию бражничества Ганса увлекает его друг Август, но состояние опьянения чуждо Гансу – покинув товарищей, он отправляется домой один и по дороге находит свою смерть.

Сцена у реки перед гибелью Ганса соответствует ницшеанскому описанию соединения сна (аполлоническое начало) и опьянения (дионисийское начало), в котором рождается греческая трагедия⁵. У Гессе единственной доступной для героя формой соединения аполлонического и дионисийского начал становится физическая смерть. По мнению Й.Милека, «обстоятельства смерти молодого человека остаются принципиально невыясненными, <...> неясным также остается, находит ли он смерть в опьянении или сам лишает себя жизни»⁶. Обвинительные слова Флайга в адрес учителей, его самообвинение, высказанное отцу («Прозевали мы мальчика!»), определяют этическую постановку вопроса о праве общества на жертву индивида. Общему закону жизни противопоставляется «частная» смерть, что усиливает трагический пафос романа.

У Манна и Гессе мотив «второго рождения» характеризуется амбивалентностью жизни и смерти. Смерть героя воспринимается как трагическая вина общества, что связано с социальной направленностью литературы Германии. В австрийских романах основной акцент ставится на проблематике «Я», т. е. в центре рассмотрения оказывается индивидуальное сознание. «Второе рождение» здесь есть прежде всего спасение «Я». Основным становится вопрос об ответственности индивида за собственное спасение.

Третья глава – «Метаморфоза героя в романе Р.Музиля “Душевные смуты воспитанника Тёрлеса”».

В отличие от романа Гессе мотив колеса у Музиля связан с обновлением. В сознании героя жизнь сопоставима с *чудесным колесом (ein wunderbares Rad)*, которое «выкатывает из себя то и дело новое, неожиданное». Перевоплощение героя не является бесповоротным событием – это «отрезок развития», по окончании которого душа, как молодое деревце, прибавляет себе *годовое кольцо (Jahresring)*. Характеристикой «второго рождения» у Музиля становится размыкание кольца.

Тёрлес, как и Музиль, находится в фокусе взаимодействия различных дихотомических концепций „Я“: учения Фрейда о соотношении сознания и подсознания, представления христианских мистиков об эмпирическом и

⁵«В дионисическом опьянении и мистическом самоотчуждении, одинокий, где-нибудь в стороне от безумствующих и носящихся хоров, падает он, и вот аполлоническим воздействием сна ему открывается его собственное состояние, то есть его единство с внутренней первоосновой мира в символическом подобии сновидения». См.: Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб., 2005. С. 49.

⁶Mileck J. Hermann Hesse. Dichter, Sucher, Bekenner. Biographie. München, 1979. S. 40.

трансцендентном «Я», воззрений Р.У.Эмерсона, нашедших отражение в книге эссе «Сокровище смиренных» (*Le Trésor des Humblés*) М.Метерлинка, картезианской концепции «Я существующего» (*ergo*) и «Я мыслящего» (*cogito*), теории Э.Маха, рассматривающего «Я» как сумму ощущений через оппозицию единство/множество.

В романе Музиля противопоставление жизни и смерти, веры и сомнения имеет относительный характер. В начале романа герой воспринимает засыпание как умирание, а каждую ночь – как время смерти; конец романа знаменуется тем, что протагонист научается различать «день и ночь». В процессе размышлений Бог, связь с которым у героя изначально прервана, заменяется ученым. Тёрлес отождествляет непознаваемое с книгой Канта.

Разрушение и восстановление связи с матерью, переживаемое героем, образует рамочную композицию повествования, а фигура отца в нем практически не представлена. Сознательным разрывом с матерью является для Тёрлеса поступление в училище, связанное с мотивом *железной дороги*, воплощающим рациональное начало. Разрыв единства с матерью выражается в метафоре *взгляда*: мать Тёрлеса в сцене прощания на вокзале «прячет за густой вуалью грустные, слегка покрасневшие от слез глаза», сам герой «видит все будто сквозь пелену». В «Тёрлесе» в отличие от «Будденброков» и «Под колёсами» взгляд, направленный на *другого*, есть *разомкнутый* «вживающийся» *взгляд* наблюдателя.

Тёрлес в отличие от Ганса Гибенрата сознательно связывает свое ожидаемое перевоплощение с миром науки. Однако в своем стремлении к *обновлению* он сталкивается с механической системой обучения в интернате. У Музиля, как и у Гессе, пребывание героя в интернате городка В. есть своего рода прохождение через смерть. Перевоплощение Тёрлеса связано здесь с очистительными испытаниями – *преступлением, обвинением, судом*, которые, по утверждению О.М.Фрейденберг, являются также метафорами смерти. Для обозначения перевоплощения Тёрлеса в тот момент, когда его охватывает страх уличения в гомосексуальной связи с Базини, используются существительные *die Verwandlung* (в переводе С.Апта – *метаморфоза*, также: *обращение, перевоплощение, перерождение, превращение, преобразование, трансформация*) и *der Wechsel* (в значении *перемена*). При помощи существительного *der Wechsel* и словосочетания *eine merkwürdige/plötzliche Veränderung* (*странная/внезапная перемена*) фиксируется перемена в облике Базини, когда Райтинг обличает его в воровстве. Глагол *sich verwandeln* (*изменяться, преобразовываться и т. д.*) в рассказе Райтинга означает изменение, произошедшее с убийцей при задержании. Обнаружение в себе и «другом» *нового*, которое связано с бессознательным (преступным) началом, выражается в мотиве *зверя*: боль чувственности – «вой собаки, дрожащий над ночными полями», душа Тёрлеса – «гибкая хищная кошка», «прикорнувшая во мраке», Байнеберг – «паук», Базини – «собака», «свинья», «скотина». Интерес к преступлению у Тёрлеса имеет характер научного наблюдения. Перевоплощение, связанное с преступлением, герой сопоставляет с

вычислительными преобразованиями. Очистительным испытанием для Тёрлеса становится размышление, ведущее к творческому перевоплощению.

Способность героя к творчеству связана у Музиля с переживанием *другого состояния (andere Zustand)*. Амбивалентность «нормального» и «другого» состояния проявляется в оппозиции эмоционального восприятия и рационального способа выражения. «Двойственность восприятия» героя сравнивается автором-повествователем с безумием. В речи героя противопоставляется мышление (*Denken*) и «другая, более глубокая уверенность» в отношении к тем понятиям, которые «означают пробел в каузальности нашего мышления». Перевоплощению героя соответствует пограничное состояние между *сном* и бодрствованием, которое соединяет чувственное восприятие и сознание героя Музиля, отрицание и утверждение: «“Да“ или „нет?“ пузырилось в его голове и лопалось». Пограничное состояние становится также и моментом выбора: ночью в чердачной каморке Тёрлес решает на протест против издевательств над Базини.

Поскольку в романе Музиля смысл «второго рождения» заключается в обретении героем способности к выражению «Я» через текст, ведущим здесь становится мотив *письма*. Для Ницше язык – и здесь прослеживаются отчетливые параллели с «экономией мышления» Маха – «является созданным человеком универсумом понятий, экономической системой, которая уменьшает хаос мира»⁷. Тёрлес принимает решение «поразмислить о себе с пером и бумагой» в стремлении к достижению гармонии во внутреннем мире, фиксируя *особенное в себе*. Процесс письма вначале сопровождается увеличением уровня внутренней энтропии, принося затем некоторое успокоение герою, частичное упорядочение хаоса чувств. Во время пребывания в интернате письма становятся для Тёрлеса сферой *бегства* из повседневности военного учреждения и воображаемым *возвращением* в родной дом. С одной стороны, письмо для него является «чудесным средством», в котором он находит избавление от тоски по дому. С другой стороны, героя разочаровывает обыденность родительских писем.

Метафора *моря* связана с чувственной сферой героя и передает амбивалентные отношения *нового* и *обыденного*, *сознания* и *подсознания* в моменты его перевоплощения при написании писем родителям, во время близости с Базини, при осознании опасности унижений со стороны товарищей. Амбивалентность чувств героя проявляется также в метафоре *огня*: кульминированным выражением ощущения, связанного с рождением нового в себе, становится метафора *тёмного пламени (dunkle/düstere Flamme)*, соединяющая противоположные значения тьмы и света. Мотив *огня*, как и мотив *моря*, связан в романе Музиля с мотивом *письма*: Тёрлес сжигает письмо родителей, собственные стихи.

⁷См.: Kroemer R. Ein endloser Knoten? Robert Musils Verwirrungen des Zöglings Törless im Spiegel soziologischer, psychoanalytischer und philosophischen Diskurse. Musil Studien. B. 33. München, 2004. S. 222.

Как в романах «Будденброки» и «Под колесами», в «Тёрлесе» *любовь* является одной из возможностей «второго рождения» героя. В мотиве любви здесь в большей степени, нежели в произведениях Манна и Гессе, акцентируется сексуальность. Но, по мнению Т.Пекара, в конце романа Музиля «Дионис становится Нарциссом»: когда Тёрлес видит обнаженного Базини, его терзания возвышаются до эстетизма. Стремление героя к переживанию «другого состояния» выражается у Музиля в мотиве *андрогина*: Тёрлес вспоминает однажды о своем детском желании быть девочкой. Для героя любовь – это «сидеть ночью у открытого окна и ощущать себя всеми покинутым».

Испытывая отвращение к обыденности интерната, Тёрлес ищет нового единства с матерью. Мифопоэтическим аналогом чрева матери является замкнутое пространство чердачной клетушки, служащей героям секретным укрытием. Мир сравнивается с *темным домом*, где герой, перемещаясь из комнаты в комнату, «на ощупь перешагивает пороги». Поиск связи с материнским началом проявляется также в *тропах беременности*: предчувствие перевоплощения, возникающее у Тёрлеса, сравнивается с «инкубацией», ощущение «бессловесности» восхищает героя «как уверенность оплодотворенного тела, которое уже чувствует тягу будущего». Обретаемое героем в финале романа новое единство с матерью является относительным, как и само перевоплощение героя. В тексте романа нет непосредственных указаний на то, что герой станет поэтом, его творческая реализация до конца остается в сфере возможного, а не действительного.

Четвертая глава – «"Рождение смерти" и "тёмное вознесение" в романе Р.М.Рильке "Записки Мальте Лауридса Бригге"».

Ко времени написания «Мальте» Рильке испытывает влияние христианских мистиков и представлений Кьеркегора о воскресении как о свершающемся каждый миг выборе веры. В концепции Кьеркегора только при обретении веры может произойти «чудо "повторения": призраки, тени станут живыми существами, и человек исцелится от бессилия пред тем, что знание называет "невозможным" или "необходимым"»⁸.

«Второе рождение» в романе предполагает обретение веры через сомнение. В 61-м фрагменте рассказывается о нерассудочной вере безумного французского короля Карла VI, который воспринимает мистерии страстей Христовых как многократно повторяющееся в реальности *воскресение (Auferstehung)*, а не как театральное действо. Традиционная нерассудочная вера Европы входит в противоречие с прогрессивными представлениями папы Иоанна XXII, отрицающего возможность воскресения до Страшного Суда. Неверие священнослужителя опровергается здесь описанием реального факта воскресения юного кардинала Пьера де Люксембург-Линьи. *Свет* воскресения («святиющийся» кардинал де Линьи, сердце Христа – «мощная линза») противопоставляется смерти – *бесконечно длящейся ночи*.

⁸Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия. М., 1992. С. 138.

«Второе рождение» соотносится в «Мальте» с празднованием дня рождения. На день рождения планируется бегство Блудного сына. Использование формы множественного числа *Geburtstage* предполагает возможность неоднократного переживания перерождений. «Дни рождения», которые Мальте постоянно приходится спасать, связаны с обилием «непонятных переживаний»: герою тягостно претерпевать направленную на него «радость для кого-то другого» – «чужую радость».

Амбивалентность жизни и смерти выражается у Рильке в метафоре-оксюмороны „*Todesgeburt*“ (*рождение смерти*). Исполненная «достоинства» и «тихой гордости» смерть прежних времен противопоставляется современной – «массовой», «механической» – смерти «фабричного производства». Смерть в собственном доме противопоставляется «больничной» смерти как «собственная» смерть – «чужой». Разрушение традиционной картины мира рождает в герое страх смерти (*Todesfurcht*). «Рождение смерти» выражается через метафору *беременности*: Мальте подчеркивает особую «печальную красоту» беременных женщин, которую им придают два плода – ребенок и смерть.

В «Мальте» еще в большей степени, нежели в «Будденброках» отношения отца и сына являются проекцией отношения Бога и человека. Разрыв *связи с отцом* компенсирует *близость* героя к рано умершей *матери*. Как и «Будденброки» Томаса Манна, «Записки Мальте Лауридса Бригге» написаны на основе жанра семейной хроники: роман повествует о гибели старинных датских родов Бригге и Брае. Но если в «Будденброках» утрата связи отца и сына в сюжете романа еще не сопровождается разрушением традиционной романной формы, то в «Записках» Рильке разрыв родовых связей выражается на формальном уровне во фрагментарности повествования. Хронику смертей открывает воспоминание о смерти Кристофа Детлева Бригге, затем герой повествует о смерти бабушки Маргарет Бригге, своей матери графини Сибиллы, ее кузины Кристины Брае, своего двоюродного брата Эрика Брае.

Смерть отца Мальте завершает историю гибели рода Бригге, знаменуя *рождение* Мальте как *поэта*. С эпизода сжигания листка с записью истории умирания Христиана IV, найденной Мальте на дне сумки с письмами умершего отца, в текстах записок появляются не истории рода, а собственные истории Мальте. В семействе Брае существует традиция посмертных портретов, галерея которых становится своего рода продолженным в искусстве бытием семьи героя. Все смысловые линии «второго рождения» у Рильке объединяет мотив *ковра (кружев)*. На ковре умирает дед Мальте, герой рассказывает Абелоне о гобеленах «Дама с Единорогом», мать Мальте, разматывая кружева своей умершей сестры Ингеборг, говорит о том, что в них «осталась душа тех, которые их плели».

Рильке, как Манн, Гессе и Музиль, испытывает влияние работы Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». В ницшеанской трактовке «второе рождение» восходит к античной традиции. Но если в философии Ницше в качестве центрального образа античности предстает Дионис, то для творчества Рильке важен образ Орфея. В 24-м фрагменте повествователь называет

«громким рождением» (*laute Geburt*) истинное слушание *музыки* Бетховена. Абелона выражает свою любовь в пении, что в греческом мифе было способностью Орфея. В исполняемой двойником Абелоны немецкой песенке мотив «возрождения» завершает драму любви: „*du nur, du wirst immer wieder geboren*“ («только ты, ты будешь вновь возрождаться»).

Еще в 14-м фрагменте Мальте, говоря о несовершенстве своих поэтических опусов, в то же время предчувствует, что именно в стихах его предназначение. В 22-м фрагменте в связи со стихотворением Бодлера “*Une Charogne*“ («Падалъ») и легендой о святом Юлиане Странноприимце у Флобера Мальте говорит о необходимом для поэта опыте преодоления ужасного. Если для героев Манна, Гессе и Музиля было важно переживание *сна*, то рождение героя-поэта в романе Рильке связано с состоянием *болезненного бреда*. Среди впечатлений, необходимых для создания стихов, Мальте называет воспоминания о *мучительных превращениях* (*tiefe und schwere Verwandlungen*), с которых начинаются «детские болезни». *Море*, как и болезненный бред, в романе Рильке связано с поэтическим и художественным творчеством, хотя описание реального моря здесь отсутствует. Зная, что для создания настоящих стихов поэту необходимо пережить «утра на море, и вообще море, моря и ночи странствий», Мальте лишь мечтает «хоть одним глазком взглянуть» на него.

Поэтическим идеалом героя Рильке является *метаморфоза* (*Verwandlung*), которая противопоставляется постоянству смерти: Мальте, приехавший из-за границы на похороны отца (45-й фрагмент) поселяется в гостинице с символическим названием «Феникс». В посвященном творчеству Ибсена 25-м фрагменте идея абсолютной изменчивости поэта выражается в необходимости обретения им тайного, скрытого «от всех», кроме Бога, имени. «Второе рождение» героя в искусстве отдаляет его от человечества и сближает с Богом. Путь Ибсена Мальте называет «безнадежной (в переводе – “сумасшедшей”) гиперболой», которая «как трещина проходит сквозь небеса», «едва пригибаясь к нам, чтобы тотчас с отвращением отпрянуть». Находящийся в состоянии постоянного перерождения поэт делает предметом своего изображения внутреннее изменение судьбы, сравнимое с *алхимической реакцией*. Внутренний мир человека, наблюдаемый художником, сравнивается с «колбой в свете огня» (*Kolben im Feuerschein*), в которой он рассматривает *переходы* (*Übergänge*). «Творить» для Мальте означает *преобразовывать* (*umsetzen*), *делать видимым* (*versichtbaren*).

Метаморфоза героя выражается через мотив *зверя*: Мальте предпочитает переходу в иной мир (*Veränderung*) жизнь среди собак, у которых «родственный [нашему] мир» и «те же вещи». В то время как при переходе в иной мир человек лишается возможности видеть, знакомые лица и предметы исчезают для него, изменение в пределах этого мира сопровождается тем, что он обретает новое видение. Н.С.Павлова говорит о двух основных лейтмотивах романа Рильке: «я учусь видеть» и «я боюсь»⁹. Метафора *взгляда* в «Мальте»

⁹ Павлова Н.С. «Записки Мальте Лауридса Бригге» Р.М.Рильке как образец романной прозы XX века// На пути к произведению. К 60-летию Н.Т.Рымаря. Самара, 2005. С.234.

передает окончательный разрыв отца и сына: рана в груди отца после перфорации сердца напоминает герою сначала «открытый рот», а затем «закрытый глаз». Мальте, как и Тёрлес Музиля, обретает *вживающийся взгляд* художника. Однако если Тёрлес ощущает свою способность к «иному видению» людей и предметов как собственную «странность», то для Мальте „*Sehenlernen*“ (*учиться видеть*) становится программным принципом. «Второе рождение» в искусстве реализуется в романе Рильке через мотивы *рисования и письма*. По мнению Ф.Аспетсбергера, красный карандаш в «Мальте» является фаллическим символом, «который становится частью программы *саморождения* героя в Париже». Мотив *въезда в город*, являющийся, согласно О.Фрейденберг, мотивом с семантикой «смерти-возрождения», осмысливается у Рильке как вхождение в иную культуру.

В способности к преобразованию мира поэта превосходит любящая женщина. Беттина, а не любимый ею поэт Гёте может «тайком», «когда все засыпают», *заменить* (*ersetzen*) один мир другим. «Второе рождение» в любви и творчестве связано у Рильке с мотивом *огня*. Горящая свеча сопровождает Мальте на протяжении всего повествования. С другой стороны, в романе постоянно отмечаются тщетные попытки героя разжечь огонь в печи. На полях рукописи «Мальте» читаем: «Быть любимым – значит сгорать. Любить – светить негасимой лампадой». Бегство Блудного сына есть попытка научиться любить, «пронизывая лучами своего чувства любимый предмет, не подпалая его».

Легенда о Блудном сыне в романе Рильке выражает идею «второго рождения» как возвращения после целого ряда перевоплощений. В воображении повествователя Блудный сын представляется «в кишасей душами тени Елисейских полей» среди «гробниц, раскрытых, как могилы воскресших» (*Gräber, die offen sind wie die Gräber Auferstandener*). В озарении у героя возникает уверенность, что он способен «увлечь землю бурлящим потоком сердца»: видение любящего героя способно превратить «землю» – в «воду», смерть – в жизнь. *Алхимическое превращение*, совершаемое при помощи «найденного» персонажем «философского камня», соединяет изготовление «золота счастья» и обратное преобразование золота в «тяжкий свинец терпения». В трактовке повествователя Блудный сын возвращается, однако неизвестно, «остался ли он». Записки Мальте заканчиваются словами: „*Er war jetzt furchtbar schwer zu lieben, und er fühlte, dass nur einer dazu imstande sei. Der aber wollte noch nicht*“¹⁰. Возможность возвращения не дает Мальте уверенности в самой главной любви – беспредметной любви Бога, т.е. веры в воскресение. Уделом героя, по словам самого Рильке, остается *темное вознесение* (*dunkle Himmelfahrt*).

В *Заключении* представлены выводы, обобщающие основные результаты исследования. «Второе рождение» как возможность преодоления смерти по-

¹⁰«Его стало бесконечно трудно любить, он чувствовал, что это под силу лишь Одному. Но Он пока не хотел» (пер. с нем. Е.Суриц).

разному реализуется в немецкоязычных романах первого десятилетия XX в. через трансформацию мотивов возрождения, воскресения и метаморфозы, но характерная для модерна амбивалентность жизни и смерти, веры и сомнения в нем не преодолевается. Если в литературе Германии смерть героя воспринимается как трагическая вина общества, то в австрийских романах акцентируется вопрос об ответственности индивида за собственное спасение. Разрыв связи отца и сына осмысливается как разрыв связи Бога и человека, а возможность «второго рождения» восходит к женскому (материнскому) началу. Мотив «второго рождения» в романах Т.Манна, Г.Гессе, Р.Музиля и Р.М.Рильке выражается в способности героя к любви и творчеству и интертекстуально связан с мифологией, религией, философией и искусством.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Мамонова Е.Ю. Аполлонический и дионисийский варианты мотива «второго рождения» в романе Г.Гессе «Под колесами»/ Е.Ю.Мамонова // Вестник КрасГУ. Серия: Гуманитарные исследования №3/1, 2006. Красноярск: ИЦ КрасГУ 2006. С.209-214. (0,7 п.л.).
2. Мамонова Е.Ю. Мотив «второго рождения» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»/ Е.Ю.Мамонова // Мировая литература в контексте культуры. Материалы Международной научной конференции. Пермь: Перм. ун-т, 2006. С.115-123. (0,5 п.л.).
3. Мамонова Е.Ю. Источники иронического и профетического развития триады «рождение – смерть – второе рождение» в романе Т.Манна «Будденброки»/ Е.Ю.Мамонова // Библия и национальная культура. Межвузовский сборник научных статей. Пермь: Перм. ун-т, 2005. С.130-133. (0,5 п.л.).
4. Мамонова Е.Ю. Мотив странствий в художественном мире новеллы В.Г.Зеебальда «Пауль Берейтер»/ Е.Ю.Мамонова // XVII Пуришевские чтения. Концепт странствия в мировой литературе. Сборник материалов. М.: МПГУ, 2005. С.134-135. (0,1 п.л.).
5. Мамонова Е.Ю. Мотив «второго рождения»: теоретический аспект/ Е.Ю.Мамонова // Проблемы метода и поэтики в мировой литературе. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Перм. ун-т, 2005. С.40-44. (0,4 п.л.).
6. Бочкарева Н.С., Мамонова Е.Ю. Мотив «второго рождения» в литературе и культуре XX века/ Н.С.Бочкарева, Е.Ю.Мамонова // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Материалы третьей Международной конференции. М.: Издательский дом «Таганка», 2004. Т.2. С.37-41. (0,4 п.л. / 0,2 п.л.)
7. Мамонова Е.Ю. Сравнительно-типологический анализ стихотворений Б.Пастернака «Смерть поэта» и Р.М.Рильке „Tod des Dichters“/ Е.Ю.Мамонова // Шешуковские чтения. Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения. Вып. 9, М.: МПГУ, 2004. С.343-346. (0,4 п.л.).
8. Мамонова Е.Ю. Библейский мотив «воскресения» в романах Г. Майринка «Голем» и «Белый Доминиканец»/ Е.Ю.Мамонова // Библия и национальная культура. Межвузовский сборник научных статей. Пермь: Перм. ун-т, 2004. С.61-64. (0,6 п.л.).

9. Мамонова Е.Ю. «Демьян» и «Клингзор» Г.Гессе: мотив «второго рождения» в образах европейской и китайской культур/ Е.Ю.Мамонова // XVI Пуришевские чтения. Мировая литература в контексте культуры. Сборник статей и материалов. М.: МПГУ, 2004. С.119. (0,1 п.л.).
10. Мамонова Е.Ю. Феномен удовольствия в литературе рубежа XIX-XX веков/ Е.Ю.Мамонова // Удовольствие как феномен культуры. Материалы международного форума. СПб.: ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, 2004. С.288-292. (0,4 п.л.).
11. Мамонова Е.Ю. «Записки Мальте Лауридса Бригге» Р.М.Рильке и «Ужасы льдов и мрака» К.Рансмайра: мотив «второго рождения» в модернистском и постмодернистском романе/ Е.Ю.Мамонова // Иностранные языки и мировая литература в контексте культуры. Сб. науч.ст. и тез.выступл. молодых преп., студ. и асп. Пермь: Перм. ун-т, 2004. С.41-44. (0,4 п.л.).
12. Мамонова Е.Ю. Мотив «второго рождения» в романах рубежа XIX-XX, XX-XXI веков: Р.М.Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» и К.Рансмайра «Ужасы льдов и мрака»/ Е.Ю.Мамонова // Восьмые международные Виноградовские чтения. Проблемы изучения и преподавания зарубежной литературы. Материалы конференции. М.: МГПУ, 2004. С.111-118. (0,6 п.л.).
13. Мамонова Е.Ю. Стадии сюжетного развития романа Р.М.Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге»/ Е.Ю.Мамонова // Пушкинские чтения. Филология XXI: Проблемы и методы исследования. Сборник научных статей. СПб.: САГА, 2004. С.248-250. (0,4 п.л.).
14. Мамонова Е.Ю. Образ ребенка в романах Р.М.Рильке и Г.Гессе / Е.Ю.Мамонова// Мировая словесность для детей и о детях. М.: МПГУ, 2004. Ч.2. С.332-336. (0,4 п.л.).
15. Мамонова Е.Ю. Мотив «второго рождения» в творчестве Р.М.Рильке / Е.Ю.Мамонова // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. Соликамск: СГПИ, 2004. С.196-201. (0,7 п.л.).
16. Мамонова Е.Ю. Опыт сравнительного анализа стихотворений «Смерть поэта» Б.Пастернака и „Tod des Dichters“ Р.М.Рильке на уроках немецкого языка в старших классах гимназии / Е.Ю.Мамонова // Анализ литературного произведения в системе филологического образования. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. С.256-260. (0,4 п.л.).
17. Мамонова Е.Ю. «Роман трансформации» Г.Гессе / Е.Ю.Мамонова // Проблемы метода и поэтики в зарубежных литературах. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2003. С.207-217. (0,8 п.л.).
18. Мамонова Е.Ю. Три новеллы Германа Гессе / Е.Ю.Мамонова // Человек на изломе культур. Тезисы докладов IV Всероссийской научной конференции аспирантов и студентов. Пермь: ПГТУ, 1998. С.56-58. (0,2 п.л.).
19. Мамонова Е.Ю., Бочкарева Н.С. «Демьян» Г.Гессе как роман «трансформации» (самопорождения героя) / Н.С.Бочкарева, Е.Ю.Мамонова // Проблемы языкознания и мировой литературы рубежа XXI века глазами молодых исследователей. Тезисы докладов. Пермь: Перм. ун-т, 1997. С.83-84. (0,2 п.л. / 0,1 п.л.).

20. Mamonova E. Moderne Intertextualität in Thomas Manns Roman „Die Buddenbrooks“: die Geburt – der Tod – „die zweite Geburt“/ E.Mamonova// TRANS. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. No. 16/2005. http://www.inst.at/trans/16Nr/02_1/mamonova16.htm (0,4 п.л.).